

ВОСХИЩАЯСЬ И СПОРЯ

Только что закончились гастроли Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. Они, безусловно, стали явлением в столетней театральной жизни. Разговор об этих гастрольях необходим с разных точек зрения — в самых разных планах. Я бы хотел подробнее поговорить о молодежи Кировского театра.

На молодой ленинградской поросли служителей Терпсихоры Наталья Макарова, пожалуй, полвека других воплощает тип современной лирической танцовщицы — без дежурных, томных поз, затуманенного взора и глаз с поволокой. Глубокая, проникающая современность лирики Макаровой не только в том, что ее танец рождает какие-то особенно волнующие, ягучие ассоциации, но и в том, что в жизни каждой партии она привносит свою жизнь, собственный характер, свое себя.

И есть еще в Макаровой что-то такое, что и не перескажешь словами, потому что если содержание танца можно передать словами, так что же это за танец. Существует такое слово — подлинность. Оно лучше всего определяет искусство молодой бадерницы.

И если раньше Макарова явно не хватало уверенности, достигаемой мастерством и мастерства, рождящего уверенность, то в классе Н. М. Дудинской ее очень индивидуальная техника укрепилась, стала послушной и гибкой.

В этом же классе чеканит свое дарование и другая выдающаяся ленинградская сцены — совсем юная Наталья Вольнова. В отличие от затененной, тревожащей грации Макаровой хореографический почерк Вольновой открыт и звучен. В прозрачных, волнистых очертаниях ее танца скрыто богатое эмоциональное наполнение, то уходящее вглубь, то с детской непосредственностью выплескиваемое наружу.

Блистательно начала свой сценический путь Алла Сязова. Певучие, яркие линии, детская, продленная прыжок, у которого, кажется, нет приземления, сливаются в мягкие, завершенные пассажи, формируют танец чистый, прозрачный.

Не менее богата талантами мужская часть труппы. Основной нерв исполнителя лучше Ленинградского танцовщика Юрия Соловьева — в той внутренней радости и свободе, с которой отдает он себя танцу, сверкающему солнечной яркостью и открытостью. В его танце, как сказал бы поэт, «видна только сила, но скрыты усилия». Тамаша озаренным предстает перед нами его принцы «Лебединого озера», «Спящей красавицы», «Золушки». В их лучистости есть даже чрезмерность — поначалу симпатичная, затем несколько приедающаяся — ведь и от солнца подчас хочется заслониться... И все же «подлинность» Соловьева — в мягкой, сверберечливости радужной Фархада («Легенда о любви»), в суровой решимости юности «Ленинградской сим-

фонии», где пластика танцовщика насыщается игрой волевого, напряженно пульсирующего ритма, порывисто страстными интонациями.

Сравнительно новый в труппе Валерий Панов соединяет психологическую проникновенность, столь полно проявившуюся в «Медном всаднике», со стихийной стремительностью виртуозного, до дерзости смелого танца. Традиции мужественного, сдержанно сосредоточенного лирического танца продолжает Сергей Викулос. На позиции ведущего солиста выходит Вадим Бударин, настойчиво преодолевая свой некоторую скованность, свойственную его танцу.

И однако же... То, что написано здесь о молодежи, — это во многом результаты наблюдения, полученных во время поездки в Ленинград. На московских гастрольях молодежь оказалась оттесненной на второй план. Посмотрите. Почти за месяц гастролей Макарова и такая многообещающая балерина, как Комлева, выступили по одному разу в центральных партиях. Сязова — два, остальные эпизоды, концертные номера. Один раз вел спектакль Якулов, Большакова вообще ни в чем не выступала в Москве.

Между тем, снажен! Валерия Федичева показывалась в Москве с щедрой насыщенностью. Собственно и в этом не было бы ничего замечательного, будь количественный эквивалент равен художественному. Но вся беда в том, что Федичева

в малой степени отвечает тем критериям, которые выдвигаются искусством Сязовой, Макаровой, Комлевой. Ее танец привлекает размахистостью, напористостью, но он беден оттенками и подчас выбирается из общего благородного, академического стиля труппы.

Я знаю, что в таких случаях говорят в театре — так сложился репертуар. Гастрольный репертуар действительно складывался со сложностями. В последнее время на афише Кировского театра было не так уж много новых названий.

Но ведь театральная жизнь — не только статистика премьер. Трудности с созданием новых спектаклей заставили обратить более пристальное внимание на старые. Творческая жизнь театра не замерла, а словно ушла вглубь, изменила формы. Начался период интенсивного внутреннего преобразования репертуарных спектаклей. Дебюты, входы, один неожиданный и плодотворный другой, дали второе дыхание балетам, казалось бы, устоявшимся в своем обиходе. Почему бы не продемонстрировать в Москве результаты этого поучительного процесса более полно?

А между тем сам театр — и на гастроль же — дал урок того, как надо показывать молодежь. Его оперная труппа всегда отставала от балетной и по обиходу молодых талантов, и по смелости творческих поисков, и по тому вкладу, который каждый театр вносит в искусство. Ныне будто все перевернулось. Во

всяком случае то, что опера шла, как говорится, первым номером, — бесспорно. Необычайно умно, тонко, по-хорошему расчетливо подобранный репертуар, где были и русская, и западная классика, советская и современная зарубежная опера — и все это в неожиданных и прекрасных образах. Свообразная режиссура Романа Тихомирова и, главное, исполнительское творчество молодых вокалистов, занятых в большинстве центральные партии, сделали выступления оперной труппы настоящим музыкальным явлением.

Здесь в первую очередь надо отметить Владимира Атлантова, обладателя очень красивого, сильного и ровного во всепригодного драматического тенора, темпераментно спевшего партию Альваро в вердвандской «Сила судьбы». Новые грани своего разностороннего дарования открыл слушателям в спектакле «Руслан и Людмила» Борис Штоколов. Блестящая вокальная школа Галины Ковалевой позволила ей создать такие несхожие характеры, как Людмила и Мария в «Гуныди Ласло» Эрнеля. Труднейшую проблему главных исполнителей в «Сказании о невидимом граде Китеже» театр решил в лице В. Пучкова (Гришка Кутерьма) и Е. Федоровой (Феаронья). Оперный коллектив проявил заинтересованное внимание к своей молодежи, был озабочен, как бы выгоднее и полнее представить ее москвичам, — и добился своего.

Кировский театр имел в Москве большой и заслуженный успех. И все же, думается, гости не дослажали кое-что не того, что имели и могли сказать.

А. АНДРЕЕВ.

13 АВГ 1965

«Молодежь в театре»
Г. МОСКВА